

*Книги, вышедшие в серии
«Часть речи»*

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ. Небо на ремонте

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ. Куб, шар, цилиндр

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО.

Великое однообразие любви

ВИКТОР КРИВУЛИН. Воскресные облака

ОЛЕГ ОХАПКИН. В среде пустот

АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ. Минус-корабль

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ. Псалмы и фуги

ВИКТОР ТОПОРОВ. Любимых убивают все

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВ. Карандашом зрачка

ЕЛЕНА ШВАРЦ. Зверь-цветок

ВИКТОР ШИРАЛИ. Простейшие слова

Аркадий Драгомощенко

Великое однообразие любви

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д72

Составление З. С. Драгомощенко

Драгомощенко А.

Д72 Великое однообразие любви : [стихотворения] / Аркадий Драгомощенко ; [сост. З. С. Драгомощенко]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 223 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-07355-6

Поэзия Аркадия Драгомощенко (1946–2012) — новаторская, экспериментальная. Она представляет собой одно из высших достижений русской литературы конца XX — начала XXI века. Ей присуща сложность образов, синтаксиса, смысла. Через все поэтическое творчество автора проходит мысль о невозможности словом вывить глубину мысли. И только в постижении сути любви есть вероятность обрести желаемое звучание.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07355-6

© Драгомощенко А. Т., наследники, 2022
© Драгомощенко З. С., составление, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

НЕСКОЛЬКО СЛОВ...

Я никогда не писал предисловий к своим стихам, и если бы мне предложили это сделать, то, признаться, я не знал бы, как и что. Зачем искать слова, подумал бы я, которые объясняли бы стихотворения?

Я пытаюсь писать так, чтобы они, стихи, были составлены из слов, которым не нужно мостов, я никогда не думал — о чем писать, потому что это смешно — думать о том, что ты пишешь или хочешь написать. Я думал давно когда-то, что поэзия — это регистрация.

Точная, жесткая регистрация того, что уходит, а уходит каждый раз немало, а вдобавок ко всему начинаешь привыкать к потере одного, другого, третьего. Утраты делаются для нас привычными, и мы уже не замечаем, после чего мы теряем память.

Очевидно, думал я когда-то давно, что поэзия — это что-то вроде универсальной памяти, что-то, что находится сзади, позади — нечто вро-

де тени, бегущей за нами, хищной тени, тени Господней, оставившей нас, но не отступающей ни на шаг. Смешно теперь вспоминать.

Когда остаешься один — это полдень! это полдень, полдень, когда голос устремляется в зенит, и ось, по которой он движется, пряма и странна, как любое слово, которое произнесено одним, без других.

Это полдень, когда нет тени, когда смешно даже думать о том, что поэзия следует за тобой. Нет никакой поэзии в этот час. В этот час пусто.

То ли дело ночью, когда ты скрыт или когда ты крадешься, чтобы вырвать глаза ночи, чтобы она не видела твоих слов... И потому, когда ты вошел в поле полдня и перестал отбрасывать тень, за которой боги могли бы утаить свой помысел, — пропадает необходимость всякого праздного размышления, исчезает потребность лукавой игры, проигрыш в которой или выигрыш неминуемо ведет ко лжи, ибо любое слово, сказанное о себе или о других, ступающих по тому же пути, что и ты, любое свидетельство не есть истинно.

Но я вспоминаю, что, когда доводилось мне читать стихи, и в понятном каждому человеку упоении я произносил уже не стихи, но слова, склеивая по собственному капризу их в красивые, менее красивые сочетания, в которых начал вскоре распознавать то, что многих заставляло прислушиваться к ним, — ту ложь, которая исподволь точит любого поэта и ведет его к гибели, но которая всегда полупонятна, полудоступна,

полубезумна, полуистинна, а потому, в силу своей половинчатости, — доступна. Были мгновения, когда перед чтением, произнесением я смотрел на тех, кто слушает меня, и они смотрели на меня. И пускай они собрались от скуки либо движимые пресловутым отчаянием — найти ответ на некие вопросы, разрешить проблемы, эти секунды были самыми свободными. Еще не было названо имя, еще я не вступил в галерею собственного голоса — полдень, одиночество, исступление...

Я произнес достаточно тихо несколько слов, чтобы никто не расслышал, чтобы мне уловить последовавшее движение во фразе: наступила некая осень, чарующая в своей неопределенности и бесплотности, лишенная опоры не только в необходимости припоминания, но и исполненная тишайшей бессмысленностью ее забвения.

Странно, мне уже не хочется писать предисловие! Несколько слов... желание, чтобы кто-то понял так, как ты...

АТД

1980-е

* * *

описание следует за описанием
ничто не кончается —
день следует параллельно птице
капля скатывается по скорлупе зноя
корни вытягиваются в стволы
созвездия пьют тяжелую ночь
из неподвижных ветвей
добавить: иглы зрачков
пронизывают пелену описания
и пропадают в пыли

1968

Из сборника
«ЦЕРЕМОНИИ»
(1970–1972)

* * *

деревья гнутся под ветром
поднимается пыль
раскачивается оцепенело
первый день
ветреный день
день созерцания

движением мерным охвачены рощи
поля стволы кукурузы
бредут коровы
лунные головы влекут рогатые тени
а надо всем — шум налитый зноем
воздухом
светом гнущихся сосен

гравий поскрипывает под ногами

ночь прервана на полуслове
полусвет листьев на лицах
первый день
день ветреный
день созерцания

* * *

сад

дождь накрапывает скользкие листья
мы шли по тропинкам бормоча заклинания:
«дуб, ясень, лиственница, тис, рябина»
мы шли непринужденно беседуя о том
что есть нечто выше нашего понимания
мы говорили о человеке

потом молча шли будто вытекли из себя —
брели прислушиваясь к шагам
и размышляли